

ством которого он претендует быть. Теперь мы знаем, что эти типовые характеристики абсолютов – верный признак их служебного несоответствия. Теперь мы знаем, что решить проблему чистого представления – значит предъявить не очередное первоначало, а настоящий всеобщий предмет. Любой другой способ решения здесь исключается собственной категориальной связью всеобщего предмета, чистого представления и его условия. Многое остается неясным. Так, непонятны способ осуществления всеобщего условия представления и переход от его наличия к наличию всеобщего предмета. Неясно и то, что такое всеобщий предмет, если он результат осуществления всеобщего условия представления. Как и благодаря чему реальный всеобщий предмет становится возможным? Кроме того, мы теперь не знаем, что такое настоящий всеобщий предмет и его условие. Ясно одно: либо проблема чистого представления решается вместе с вопросом о всеобщем предмете и всеобщем условии представления, либо никак не решается.

Примечания

1. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1970. С. 359.
2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994; Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. Т. 3 / Акад. наук СССР. Ин-т философии. Сер. Философское наследие. М.: Мысль, 1964; Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Сочинения: в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 65–337.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010. С. 11–13; Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Алетей, 2000.

УДК 165.42

С. Г. Пилецкий

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ

Данная статья посвящена традиционной гносеологической и методологической проблеме – проблеме истины. Однако автор анализирует её в особом ракурсе: через сопоставление науки и философии, а также вненаучными формами познавательной деятельности, такими, как искусство, мифология и религия. На богатом историко-философском материале автор пытается высветить и показать, как идеал стремления к истине в трансформированном виде представлен в теоретических построениях многих выдающихся мыслителей. В конце статьи предлагается авторское понимание объективности истины.

This article is devoted to the traditional epistemological and methodological problem – the problem of truth. The author's approach to it is specific: he analyses objective truth by comparing science and philosophy, and also the non-scientific forms of cognitive activity, such as art, mythology and religion. On the basis of abundant materials from the history of philosophy the author tries to show how the ideal of aspiring after truth was transformed and represented in the theoretical reflections of many outstanding thinkers. Finally, the author offers his own understanding of the objectiveness of truth.

Ключевые слова: гносеология, методология, сомнение, субъективность, intersубъективность, истина, объективность, верификация.

Keywords: epistemology, methodology, doubt, subjectivity, intersubjectivity, truth, objectiveness, verification.

Согласно известному афоризму философия началась тогда, когда человек однажды удивился. Уточнять не будем, действительно ли философия с того знаменательного события преуспела или лишь её предфилософская фаза, главное в другом: искреннее удивление окружающим человека огромным, многообразным миром и было тем психоэмоциональным импульсом, первично подвигшим его к познанию. Удивляться, что характерно, человек начал давно, как в аспекте индивидуальном, так и в аспекте родовом. Из этого недвусмысленно следует, что процесс познавательной человеческой активности представляет довольно внушительную историю. Она, в свою очередь, претерпела определённые этапы, ступени, на которых превалировала та или иная форма, в общем-то, единого процесса познания. Имеются в виду формы раннего мифотворчества и религиозного обоснования и объяснения причин возникновения мироздания, самого человека, особенностей его культуры, дальнейших перспектив, нравственного кодекса межличностных отношений, эстетических норм и идеалов и т. п. В дальнейшем произошло формирование особо-

го, философского, способа освоения действительности, отчасти впитавшего в себя характерные черты ему предшествующих, но при этом их упорядочившего, рационализировавшего и выведшего свой гносеологический императив и соответствующий ему инструментарий. Особой «курсивной» отметки заслуживает также долгий и непростой путь взаимоотношений философии и непосредственно науки: через некое совокупное знание, синкретическое их единство (зарождение и развитие науки в лоне философии, их вскармливание, лелеяние и пестование последней) через «взросление» наук, их всё большей дифференциации как друг от друга, так и от философии, к крайне неблагоприятной, критической, ситуации «короля Лира» и «разжалования госпожи в служанки» середины XIX – начала XX столетий и, наконец, их современному, вполне мирному и плодотворному сосуществованию. Можно также напомнить, что существуют, «не позабыты-позаброшены», иные указанным типы познавательной деятельности. В частности, обыденное, жизненно-практическое и художественно-образное освоение действительности, уже с их своеобразием и спецификой. Перечисление закончим указанием принципиального момента: при всей важности удивление было, есть и будет лишь первым шагом, отправной точкой вдалеке устремлённого исследовательского вектора. Его же гносеологический луч, «магнитная стрелка» направлена на поиск достоверного, объективного знания, коротко говоря, – на поиск истины. Так и только так: не в «молоко» куда-нибудь, а в самое что ни на есть «яблочко». Не процесс сам по себе хорош и важен, не процесс самодостаточен, весом и ценен, а именно, его интеллектуальный «венец». Да и вообще, надо сказать, познавательный процесс, движение к истине мало напоминает олимпийское движение, где основным девизом, рефреном, звучит: «не важен результат, важно участие». Нет, как раз результат-то и важен! Хотя при этом вряд ли кто будет отрицать, что субъект познания порой и в самом, так сказать, гносеологическом «делопроизводстве» может испытывать чувство глубокого удовлетворения и даже получать при сем ни с чем не сравнимое удовольствие.

Ремарка. Нечто схожее мы находим в этике Аристотеля. Согласно его учению цель, которую люди желают ради её самой, – высшее благо и высшее блаженство. При этом блаженство не может состоять ни в материальном богатстве, ни в плотских утехах, ни даже в одной лишь добродетели. Призвание человека – разумная деятельность, а назначение совершенного человека в совершенном выполнении разумной деятельности. В соответствии с этим Аристотель классифицирует и добродетели на этические, то бишь доб-

родетели характера, и дианоэтические, то бишь интеллектуальные. Вторые, безусловно, по статусу выше. Наивысшей же добродетелью, наиболее совершенным видом блаженства провозглашается научное созерцание, т. е. созерцание истины: самодостаточное, самодовлеющее, отрешённое от волнений и тревог суетной, практической жизни. Созерцательная деятельность разума, по Аристотелю, существует ради себя самой, не стремится ни к какой внешней цели и заключает в себе ей одной лишь свойственное наслаждение. Получается, что, скажем, Архимед, сидя в наспех расплёсканной ванной, в миг озарения, вдруг сообразив, что объём вытесненной жидкости равен массе погружённого в неё тела, криком «Эврика!» возвестил всему свету о своём переживаемом, ни с чем не сравнимом удовольствии. Аристотелю верить можно, он не понаслышке знал толк и в науках, и в искусстве, и в наслаждениях. «Арбитр изящества», так сказать. Понятно также, что наивысшим образцом подобной созерцательной деятельности Стагирит считал Бога. Бог для него не только «перводвигатель», запустивший импульс движения в мир, но и совершеннейший философ или «мышление, мыслящее свою собственную деятельность». Заметим себе, что даже у великого Аристотеля, не забывавшего напоминать об особенностях и значимости творческого познавательного процесса, всё же высшая доблесть и высшее благо – созерцание истины.

А раз это так и, напротив, совсем не так, как в своё время декларировал Э. Бернштейн – «цель – ничто, движение – всё», то и выходит: вопрос истины не просто «один из ...», но что он принципиален, централен не только для научного, но и для всякого познания. Достаточно обратить внимание, что уже на уровне раннего мифотворчества и созидания религиозных текстов, не говоря уже о философских, мы сталкиваемся не с ординарным незаинтересованным изложением, не с отрешённым повествованием, нам не просто пытаются нечто поведать, а нас именно пытаются убедить, что нам вещают правду.

Ремарка. Известно, что разум рыщет истины, а сердце ищет правды, причём правда и истина – отнюдь не одно и то же. Правда больше истины, правда лучше истины, правда богаче истины, правда дороже истины, правда – это истина плюс справедливость. Скажем, «дважды два – четыре», или «сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам», или «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками» – это истина. А что «почитать нужно родителей» или «добром надо платить за добро», или «долги надо отдавать», или «на чужом горе своего счастья не построишь», или «что посеешь, то и пожнёшь» – это правда. «Диверсификация» же

правды, её релятивизация, мол, она у каждого своя – это совсем не ново, старо как мир, это весьма удобная, весьма выгодная позиция, весьма «штатная» попытка завуалировать творение кривды, её противоположности. Не стоит путать, смешивать правду с простым, искренним, и в этом смысле – честным, представлением своего мнения, своей позиции. Успокоимся тем, что в данном случае для нас достаточно истины.

Тут, однако, возникает следующая казусная ситуация: вопрос истины не только централен, но и весьма проблематичен для гносеологии в смысле её истолкования. Да и вообще задача не из праздных: а возможно ли, в принципе, достижение истинного знания о нас самих и окружающем нас мире? Любопытно, но в ответе как раз на этот вопрос едины в своём большинстве давние непримиримые, «закадычные» оппоненты – материалистические и идеалистические учения. Ответ солидарный и категорически позитивный. История мировой философии, надо сказать, небогата контрпримерами. Из наиболее выдающихся скептически и агностически настроенных персон «реверансом» следует отметить Дж. Беркли, Д. Юма и И. Канта. Но речь сейчас не о них, а об обширной армии оптимистов, о тех, кто допускает возможность достоверного знания, а потому непременно должен и пояснить, каким образом его можно достичь и как надлежит отличать истину от заблуждения. И самое неприятное то, что ничего не поделаешь и «слезами горю не поможешь»: «назвался груздём – полезай в короб».

Из идеалистических концепций наиболее стройно, ярко и – что немаловажно – красиво проблема способности обретения истинного знания решена у Платона и Гегеля. Согласно Платону сама возможность достоверного знания заключена в факте принадлежности души человеческой миру идей: «свой свояка видит издалика». До своего вселения в конкретное физическое тело она пребывала в сверхчувственном, «интеллигильном» мире, мире истинно сущего, в мире вечных, неизменных, самотождественных истин, и могла, таким образом, «созерцать их в полном своём блеске и величии». Проникновение же в инородный, изменчивый, бренный мир телесности, зависимый как от всевозможной массы внутренних физиологических процессов, так и от бессчётного количества внешних факторов и основанных на них страстях и вожделениях, крайне отягощает и как бы «туманит» бессмертную душу. И всё же сколь бы эта чуждая, тленная, материальная оболочка ни сковывала, ни укутывала, ни спутывала, ни мешала рвущейся душе (не зря же «тело – темница души»), ей удаётся – таки порой припомнить нечто из ранее виденного, а точнее – из ранее виденного да позабытого.

Это мгновения, миги некоего глубинного озарения, когда в считанные доли секунды истина предстаёт как предельно очевидная и абсолютно интуитивно ясная. Волей-неволей вспомнишь логико-математическую аксиоматику и картезианские «врождённые идеи». Прогнозировать, предвидеть или планировать подобные моменты, подобные «экзерсисы», невозможно. Предвкушать – можно. Возможно также постараться существенно уменьшить (в идеале – минимизировать) негативное влияние нашей чувственности, не только нас к истине не влекущей, не приближающей, а, напротив, всячески от неё уведующей в царство иллюзий и заблуждений. Рецепт довольно прост и примерно таков: нацелился на решение исследовательской задачи, вознамерился постичь истину – расслабься, залезь под одеяло, заткни ватой уши, постарайся максимально отвлечься от всех посторонних мыслей, приводящих факторов и внутренне самоуглубиться, сосредоточиться, так сказать, порефлексировать. Ежели собственными усилиями-таки не удаётся хоть на немножечко, хоть на краткий-кратенький миг, «прорвать» эту пленяющую душу пелену, мудрец может выступить в неопенимой роли своего рода «гносеолого-дидактической повивальной бабки» – грамотно, умело поставленными наводящими вопросами помочь душе спутника интеллектуально прозреть.

Не менее стройна и любопытна теория истины Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Согласно немецкому классику, познание истины не только возможно, но и с необходимостью происходит. Суть этого гносеологического акта в некоей объективной предзаданности и предопределённости. В системной схеме Гегеля в образе и роли абсолютной истины выступает Абсолютная Идея, а процесс познания истины предстаёт как процесс саморазвития и самопознания Абсолютной Идеи. Путь этот замысловат и весьма долог, хоть и с ясно очерченным финалом. Началом начал и причиной всего сущего является сама Абсолютная Идея как система саморазвивающихся категорий. Чистые логические категории первичны действительности и в своей совокупности предстают её «демиургом». Логические категории Гегель рассматривает не изолированно, не в застывшем виде, а как всесторонне связанные, переходящие друг в друга, и в этом диалектическом развитии категорий просматривается действительная диалектика вещей. Следующим этапом саморазвития и самопознания Абсолютной Идеи является её самоотрицание, «инобытие», в качестве которого организуется комплексный материальный мир, или природа. В природе Идея существует как отчуждённый от себя дух. Но при этом эволюция природы с неизбежностью приводит вновь к становлению духа, «снятию» им

своего инобытия. Именно человек как «венец творения» природы являет собой существо не только материальное, но и духовное. А посему ещё один этап данного глобального процесса – фаза Субъективного духа как этап развития индивидуального сознания. Эволюция индивидуального сознания трансформирует Субъективный дух уже в Объективный дух. Объективный дух – это некая «интегральная» закономерность, возвышающаяся над жизнью индивидов и проявляющаяся через их волю, связи и отношения. Объективный дух в своём движении проходит три ступени: абстрактное право, экономику и нравственность. В свою очередь, нравственность охватывает семью, гражданское общество и государство. Пройдя ступени внутреннего и внешнего государственного права, Объективный дух поднимается на стадию всемирной истории. Заключительным же этапом саморазвития и самопознания Абсолютной Идеи выступает фаза Абсолютного духа как её наивысшая ступень развития. К формам Абсолютного духа Гегель относит искусство, религию и философию. Абсолютный дух эволюционирует от чувственного созерцания (искусство) к представлению (религия) и от него к мышлению в понятиях (философия). Что касается науки, то она, по его мнению, входит в философию. Таким образом, получается, что со становлением философии (а точнее – со становлением философской системы самого Гегеля) цикл саморазвития Абсолютной Идеи замыкается: Абсолютная Идея через человеческий дух познаёт самое себя. Не правда ли, хоть и весьма мудро, но весьма красиво.

Материалистическая гносеология, также допускающая возможность достоверного знания, не столь, однако, красива, но зато более теоретична и более прагматична. Во-первых, в качестве критерия этой самой истины она избирает (в рамках эмпирических, естественных, наук) не стройность и красоту построения мысли, не интуитивную очевидность и ясность, не определённую конвенцию сообщества учёных и даже не полезность знания, а предметно-практическую деятельность или проще – практику. Во-вторых, – и это принципиально важно – истину материалистическая теория познания (пользуясь классическим, аристотелевским, определением) толкует как соответствие наших знаний действительности. Вот так совсем не экстраординарно, не «празднично», а почти бытово, рядово и «буднично». Полагается, что любое знание всегда выражается в форме суждений. Суждение же, в свою очередь, представляет собой такую логическую связь понятий, когда нечто либо утверждается, либо отрицается в отношении чего бы то ни было. В естественной речи подобная связь понятий имеет вид повествовательного предложения. Следова-

тельно, если то или иное наше суждение (то бишь повествовательное предложение) о действительности ей соответствует, то оно будет считаться истинным суждением, или истиной, если же не соответствует, то – ложным суждением, или заблуждением. Таким образом, истина не есть нечто где-то там в «поднебесье», «занебесье», «зазеркалье» обитающее, не нечто подобно «флюидам» растечённое и витающее и требующее нашего экстрасенсорного уловления, а всего лишь характеристика наших суждений и ничего более. Согласитесь, ну разве не буднично?!

Кроме данного важнейшего тезиса материалистическая гносеология выдвигает положение об абсолютной и относительной истине, выражающую идею о развитии истинного знания. Для иллюстрации воспользуемся «хрестоматийным» примером. В средние века в соответствии с геоцентрической концепцией Птолемея считалось, что Солнце и планеты Солнечной системы вращаются вокруг Земли. Спрашивается, было ли это полным заблуждением? Приходится признать, что, в общем-то, нет, ибо в данном утверждении содержится крупица истины, а именно, знание о том, что светила Солнечной системы не только движутся, но и вращаются вокруг некоторого центра. В учении Коперника уже определялось, что центром нашей планетарной системы является Солнце, а планеты, в том числе и Земля, вращаются вокруг него по концентрическим окружностям. Заметно, что доля истинного содержания здесь значительно больше, но опять же не всё полностью соответствовало объективной реальности. Впоследствии Кеплер доказал, что планеты вращаются вокруг Солнца не по окружностям, а по эллипсам. Это было ещё более истинным, более верным знанием. Современная астрономия вычислила траектории и законы движения планет несравненно ещё более точно. Посему форму выражения истины, зависящую от конкретных исторических условий, характеризующих степень её точности, строгости и полноты, которая достигнута на данном уровне познания, в материализме называют относительной истиной. Таким образом, всё развитие человеческого познания, в том числе и науки, есть непрерывная смена одних относительных истин другими.

Совершенно полное, точное, всестороннее, исчерпывающее знание о каком-либо явлении называется абсолютной истиной. Вполне логично возникает вопрос: а возможно ли достижение абсолютной истины? Ответ категоричный – как ни грустно, как ни печально – нет. И это вовсе не будет позицией агностической, а лишь признанием того факта, что наше, как мы считаем, истинное знание есть достоверное, проверенное, знание лишь в некоторых пределах, детерминированных структурной организацией материаль-

ного мира и нашей наличной технической оснащённостью. В частности, современная наука в состоянии технологически изучать объекты в пространственных интервалах от 10^{-14} до 10^{28} см, т. е. от уровня субатомарных, кварковых, взаимодействий до астрономических. Поскольку же сциентистская философия постулирует, что бесконечна не только Вселенная, но и сама материя делима до бесконечности, то и выходит, что человеческое познание может, конечно, эволюционировать и революционировать, раздвигать и расширять эти пределы, но вот «коснуться горизонта», достичь бесконечности, т. е. иметь полностью исчерпывающее знание даже об одном, отдельно взятом, единичном объекте – нет. Абсолютную истину, следовательно, надлежит трактовать как некую недостижимую цель, «звезду пленительного счастья», тот идеал, к которому стремилось и стремится человеческое познание. Опять же, если иметь в виду именно естественнонаучную сферу изысканий.

Сдаётся, что значительно менее гладко и разумительно обстоят дела в материалистической теории познания с вопросом существования объективной истины. Ход рассуждения примерно таков. Спрашивается, на процесс изучения человеком некоего объекта что, в принципе, может оказывать существенное влияние? Ответ: два фактора. Первый определён спецификой самого объекта исследования. Ясно же, что средства, методы и способы проверки получаемого знания значительным образом разнятся в зависимости от того, объект это живой или неживой природы, макро- или микромира и т. д. Второй зависит от специфики биологической и социальной организации субъекта познания – того конкретного человека, проводящего исследование: особенностей его физиологии и психики, особенностей его нервной системы, органов восприятия, мозга, особенностей его личной судьбы, воспитания и образования, своеобразия данной культуры, исторической эпохи, языка и т. п. И главным в совокупности вопросов, возникающих в этом свете, является следующий: можем ли мы выделить в наших знаниях некое содержание, которое бы не зависело ни от отдельного человека, ни от всего человечества? Ответ на него в материалистической гносеологии даётся позитивный и утверждается, что именно это содержание наших знаний об окружающем мире, не зависящее ни от человека, ни от человечества, и надо называть объективной истиной.

Проблема, однако, во-первых, в объяснении смысла этой самой объективности и, во-вторых, как её сопрычь, соотнести с определением истины как соответствия наших знаний действительности. Если истина – характеристика наших суждений, то как она может не зависеть ни от чело-

века, ни вообще от человечества?! Не будь высказываемых суждений, не будет и истины! Определились же вроде, что нет никакой объективной истины как вносящей субъекту познания могучей силы, таинственной сущности, которой следует открываться, которую следует открывать, а есть реальные физические явления и процессы, которые следует изучать. И вот по мере их изучения мы способны вырабатывать знания, т. е. выстраивать суждения об этих явлениях и процессах, которые и могут быть либо истинными, либо ложными. Схожая ситуация, кстати, с характеристикой наших суждений в отношении прекрасного и безобразного, приятного и отталкивающего, полезного и вредного и т. п. (не говоря уже о проблемной общезначимости специфически этических категорий, таких, как добро, зло, долг, стыд, честь, совесть, достоинство, справедливость и т. д.). Попробуйте убедить монгола или папуаса с Новой Гвинеи в универсальности европеоидного эталона красоты (для начала можно попрактиковаться на самих европейцах). Более того, надо понимать, что существуют реальные явления и процессы, которые сами по себе ни прекрасны, ни безобразны, ни полезны, ни вредны; это для нас они могут быть таковыми, а сами по себе они просто есть. Скажем, есть радуга как физическое явление и цунами как физическое явление, но одно мы считаем приятным, а другое – ужасным; есть бабочка как насекомое и таракан как насекомое, при этом первую мы полагаем симпатичной, а второго – отталкивающим. Хотя и тут, надо признать, всё достаточно зыбко и индивидуально. Так что нет никакого объективно прекрасного или объективно безобразного в смысле независимости от человека и человечества. Это фантом.

Если и можно говорить о какой-то «объективности» истины, то должно при этом прилагать её исключительно в «закавыченном» виде, отдавая себе отчёт во всей той степени условности, с которой употребляем. Можно истолковывать её независимость от человека и человечества лишь в том единственном аспекте, что, будучи однажды кем-то «найденной», выработанной, истина действительно предстаёт для всех остальных, для следующих поколений как некая «интерсубъектная», от них не зависящая. Собственно, как, например, истинность таблицы умножения, теоремы Пифагора, правил исчисления формальной логики, законов Ньютона, законов термодинамики и многого, многого ценного другого, уже и в самом деле от нас, от наших чувств и желаний не зависящего и совершенно «безучастного» тому, изволим ли мы поверить, уже до нас доказанному и проверенному.

Как известно, в живой природе действия биологических особей в значительной степени явля-

ются инстинктивными, т. е. предопределены заложенными в их молекулах ДНК и передающимися биологическим путём по наследству программами. Правда, у высших млекопитающих имеются относительно развитые индивидуальные формы поведения, являющиеся результатом индивидуального научения и опыта, но они не прогрессируют, не накапливаются из поколения в поколение. В отличие от всех животных видов, вид *Homo sapiens* эволюционно смог выработать принципиально иной, надбиологический, путь и принципиально иные механизмы передачи информации «по наследству»: через членораздельную речь, показ и пример. Место генетических инструкций заняли культурные нормы, место наследственности в строгом смысле слова – преемственность. Теперь уже опыт, приобретённый одним поколением, не остаётся преходящим и не исчезает вместе с ним. Так что однажды «открытое» колесо уже не требует, не нуждается, чтобы каждое новое поколение его заново изобретало. Но это, однако, отнюдь не значит, что «революция» колеса когда-то не зависела от человека и ныне не зависит от человечества: если бы не было человека, то и его бы не было, если бы не было человечества, то оно бы не воспроизводилось. Вот и получается, что объективная истина не только в колесе, но и в «колесе» Истории.

УДК 1.14

А. В. Шуталева

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Данная статья посвящена философско-методологическим проблемам, связанным с понятием «неклассическая физическая картина мира». Анализ философских проблем физики посредством понятия «физическая картина мира» позволяет осуществить обращение к структурным единицам естественнонаучной картины мира с помощью наиболее общих эмпирических, модельных и категориальных определений объекта исследования.

The given article is devoted to the philosophical-methodological problems connected with the concept the nonclassical physical picture of the world. The analysis of philosophical problems of physics by means of the concept "the physical picture of the world" allows to carry out the reference to structural units of the natural-science picture of the world by means of the most general definitions of the object of research.

Ключевые слова: философско-методологические основания, неклассическая физическая картина мира, объект и субъект познания, научные революции.

Keywords: the philosophical-methodological foundations, nonclassical physical picture of the world, object and subject of knowledge, scientific revolutions.

Период с конца XIX до середины XX столетия связан с появлением неклассического естествознания и неклассического типа научной рациональности. Происходят революционные преобразования во многих науках, что определяет последующее развитие современной естественнонаучной картины мира. В физике – открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории, в космологии – развитие концепции нестационарной Вселенной, в химии – разработка положений квантовой химии, в биологии – становление генетики, возникновение теории систем и кибернетики и т. д. Радикальные сдвиги в представлениях о мире и методах его исследования сопровождались развитием новых философских оснований науки, которые можно обозначить как неклассические. Изменение представлений о взаимосвязи субъекта и объекта познания переворачивает существующую научную картину мира: во-первых, это привело к признанию того, что каждая наука, вопрошая свой объект, конструирует свою реальность и ее изучает (например, физика изучает «физическую» реальность, химия – «химическую», биология – «биологическую»); во-вторых, стала допускаться истинность нескольких отличающихся друг от друга теоретических описаний одного и того же